

Цензор Лю, едва обзаведшись вундеркиндом, от радости не знал, как бы получше проверить его познания. Выпив на пиру несколько кубков вина, он вдруг вспомнил, что ещё не испытывал его в слагании стихов, и, указав на ивовые ветви за окном, произнёс:

— Мы с цяньху Се завтра уезжаем, так отломи же ивовую ветку да сложи для нас прощальное стихотворение.

Се Ин взглянул на Цуй Се и с улыбкой спросил:

— В прошлый раз, когда я возвращался из уезда Цяньань в столицу, я просил у тебя прощальный стих, но ты ответил, что ещё не умеешь слагать стихи. Сегодня я возвращаюсь в столицу из Юнпинской управы, неужели ты научился?

Из прощальных стихотворений эпох после Сун Цуй Се помнил разве что строки: «За беседкой у древнего тракта шелковистая сочная трава сливается с синевой небес...» — но тут дело было даже не в том, подходит ли это к случаю, а в том, что сама поэтическая форма совершенно не соответствовала древним канонам.

Впрочем, его сочинения уже получили одобрение цензора, избавив от клейма безграмотности, так что со стихами можно было и повременить — разве в «Неофициальной истории конфуцианцев» не говорилось: «Нынешний император ценит сочинения, к чему же вам толковать о временах Хань и Тан?»

Чем больше он размышлял, тем более уверенным в своей правоте становился. Взглянув на Се Ина, он ничуть не смутился и произнёс:

— Ваш ученик не слишком сообразителен. Хотя со времени приезда в Цяньань я усердно учился больше года, до слагания стихов дело ещё не дошло. Однако писать сочинения я уже умею и желал бы преподнести цяньху прощальное эссе, дабы цяньху оценил мои нынешние успехи в учёбе.

Се Ин покачал головой:

— Я человек военный и изящества сочинений оценить не смогу. Помни, что ты остался должен мне стихотворение. Если судьба сосватает нам новую встречу, тогда и отдашь.

Цуй Се наконец вспомнил подходящую поэтическую строку и ответил ему:

— «В сердце глубоко сокрыто, разве смогу забыть?»

Услышав, что Цуй Се и впрямь не умеет слагать стихи, цензор Лю тут же почувствовал то же сожаление, что и префект Ван: вундеркинд, который не умеет писать стихов, — да как же такого хвастать перед другими и выставлять на испытания?

За этот год в Цяньане он думал лишь о написании сочинений, но в прежние годы до переезда в Цяньань не писал сочинений, а лишь изучал основной канон! Отчего же от безделья не выучился слагать стихи да поэтические строфы?

Он почти разгневался на его нерадивость, стукнул палочками по столу и спросил:

— Как же ты учился дома? Допустим, грамоте тебя начали учить лет в семь-восемь. С твоей-то феноменальной памятью к двенадцати-тринадцати годам ты должен был назубок знать словари, парные изречения и рифмовники, а также усвоить правила стихосложения! Как звали

учителя, которого нанимали для тебя дома? Был ли он хотя бы настоящим шэньюанем?

Да какой там шэньюань — их было целых два цзюйжэня!

Цуй Се назвал имена обоих и чин дядюшки из семьи Сюй. Про господина Лу он не знал, сдал ли тот столичный экзамен, поэтому лишь упомянул, что тот был цзюйжэнем.

Лю Цзань поражённо проговорил:

— Два цзюйжэня? С детских лет учили такого вундеркинда — и умудрились доучить до шестнадцати лет так, что ты даже стихов слагать не умеешь! И таких людей ещё назначают на чиновничьи должности! Коли они учат детей с таким спутанным и халатным усердием, разве могут они править народом преданно, осмотнительно и рдительно?!

Ему даже захотелось по возвращении подать доклад с обвинением против цзюйжэня Сюй, дабы тот не занимал понапрасну должность и не вредил местному люду.

А тот цзюйжэнь Лу наверняка был педантом с неглубокими познаниями, списавшим где-нибудь парочку старых сочинений, чтобы проскочить сянши. Такого вундеркинда, как Цуй Се, мог выучить даже уездный начётчик, а этот цзюйжэнь проучил его два-три года и даже не прошёл с ним основной канон! Разумеется, он сам был скудоумен и посредственен в науках!

Мэн-цзы говорил: «Как тот, кто сам пребывает в невежестве, может просветить других?» — это сказано акkurat о таких людях!

Се Ин же прикрыл лицо кубком и с еле заметной усмешкой в голосе произнёс:

— Нельзя сказать, что учили совсем уж плохо. Вот бесконтурным лотосам цзюйжэнь Лу обучил его весьма недурно.

Да так обучил, что тот проявил находчивость и стал рисовать картины с красавицами.

Даже этот цензор Лю покупал выходившие у Цуй Се «Троецарствие» и «Собрание сочинений почтенного Ци Чжюаня», так что цзюйжэнь Лу хоть и оказался никудышным книжником, а в обучении живописи толк знал.

Взгляд Се Ина поверх кубка упал на лицо Цуй Се, и от кроющейся в нём лёгкой улыбки Цуй Се почувствовал, что краснеет вовсе не от вина.

Цензор Лю не уловил скрытого смысла и небрежно подхватил:

— Экая польза от рисования! Тому, чему следовало — поэзии и наукам, — вообще не обучил! Разве это не губит талант? По возвращении в столицу я велю Цуй Цюэ прогнать такого учителя, дабы он и дальше не сбивал юношей с пути.

Чем сильнее он сокрушался из-за тех двух цзюйжэней, тем больше проникся сочувствием к Цуй Се. Вздохнув, он проговорил:

— Впрочем, твоей вины тут нет. Но если ты собираешься стать чиновником, тебе впредь придётся восполнить пробелы в поэзии. Иначе в один прекрасный день, когда твоё имя украсит список сдавших столичный экзамен и император одарит тебя милостью, пригласив на пир Цюнлинь, где потребуют сложить стихотворение по повелению государя, неужто ты и тогда скажешь, что учишься недолго и не умеешь слагать стихи?

Так поступить точно было нельзя. Хотя звания цзиньши его из-за этого едва ли лишили бы, но чиновничьей карьере пришёл бы конец.

Цуй Се послушно склонил голову и ответил:

— Господин совершенно прав. Сдав юаньши, я вернусь и с усердием возьмусь за поэзию, не смея обмануть надежд господина.

Господин Лю возлагал на него куда большие надежды, но забегать так далеко вперёд не стал и лишь добавил:

— Учись не только слагать стихи, но и больше читай исторические труды. Из тех двух сочинений, что ты цитировал, я заметил, что отсылок там хоть и много, но все они взяты из Четверокнижия и Пятикнижия. Одно-два таких сочинения сойдут, но если в будущем ты издашь свой сборник, читатели сразу поймут, что кругозор у тебя узковат.

Он посчитал, что прежние учителя Цуй Се были либо бездарями, либо простыми шэньюанями, а потому сам, будучи цзиньши второй степени, засучил рукава и взялся наставлять юношу в науках. Наставлял он его весь вечер, и лишь когда пир завершился и Цуй Се ушёл к себе, он спросил у Се Ина:

— Раз уж наше поручение выполнено, пора возвращаться с докладом ко двору, дабы просить императора издать указ о восстановлении в должности начальника уезда Цяньань?

Лицо Се Ина, хоть тот и пил весь вечер, сохраняло привычную безупречную белизну. В глазах не было и тени хмеля, взгляд сиял ярко, а губы тронула лёгкая усмешка.

Эта улыбка ничем не отличалась от его обычной, но отчего-то обдавала лёгким холодком. Впрочем, приглядевшись, можно было заметить, что она весьма изысканна и мягка. Голос его прозвучал тихо, пока он смотрел на запад:

— Дело Дучаюань на этом завершено, но у Цзиньвэй ещё остались вопросы.

Лю Цзань опешил и спросил:

— Что за вопросы?

Се Ин неспешно заговорил:

— В восемнадцатый год эпохи Чэнхуа, в одиннадцатом месяце, в день синь-хай, командующий гарнизоном Гунчан в Шэньси Ван Чан был обвинён своим подчинённым сотником и инспектирующим цензором в краже вверенного провианта и прочих преступлениях. Полномочный наместник и ду юйши велел провести расследование и обвинил его в расхищении доверенного имущества. Впоследствии, поскольку родня Вана непрестанно подавала прошения о несправедливости, император отправил тысячника Ли Лина докопаться до истины. Тогда и выяснилось, что тот при исполнении служебных обязанностей забил человека палками до смерти, за что подлежал лишь ссылке, а прочие обвинения оказались клеветой. Позже император издал указ, повелев инспектирующим цензорам допросить тех, кто возвёл ложный навет, равно как и чиновников, осудивших человека без разбирательства...

Лю Цзань мгновенно понял, к чему тот клонит, и в изумлении вымолвил:

— Ты ведь даже не был знаком с теми двумя! Неужто ты готов взять на себя такое запутанное

дело?

Се повел бровью и усмехнулся:

— Не такое уж оно и запутанное. Достаточно лишь тщательно разузнать, кто приходил к воротам усадеб цензоров в тот день. Если не распутать это дело, то впредь каждый при дворе станет тайком подбрасывать цензорам прошения, создавать фракции, избавляться от неугодных и очернять министров. Разве не превратятся тогда цензоры в оружие для расправы с противниками? Если так пойдёт и дальше, где же будет достоинство двора и безупречное имя цензоров?

А ведь и впрямь!

Кто бы мог подумать, что офицер Цзиньивэй окажется настолько преисполнен духа справедливости, предан государству и заботится о благе страны — вылитый честный чиновник из безупречной братии!

Неудивительно, что тот щедрый, преданный государю и верный долгу вундеркинд Цуй так с ним дружен!

Двое циньчаев, ведя следствие по высочайшему повелению, не желали обременять местные власти и на следующий же день, захватив два воза книг, покинули главный город управы. Вернувшись в столицу, один отправился в Дучаюань доложить об исполнении указа, а другой вернулся в Северную Чжэньфу сы расследовать дело. Цензор и всадник в красном из Цзиньивэй, едущие плечом к плечу и непринуждённо беседующие, немало ошеломили прохожих.

Едва Лю Цзань вернулся в ведомство, сослуживцы с радостными возгласами обступили его:

— Брат Лю, каков улов от этой поездки? Вышло ли в Цяньане новое издание «Троецарствие: версия шести талантов»?

— Шангуй, довелось ли тебе побывать в библиотеке уезда Цяньань? Обставлена ли она так же, как изображено в «Собрании сочинений почтенного Ци Чжюаня»?

— А пускают ли в комнатку, где прежде жила красавица Цуй? Сохранился ли там ещё аромат этой красавицы?

Лю Цзаня обступили так плотно, что он не мог дойти даже до дверей главы Дучаюань, а потому ему пришлось сперва ответить им:

— Книги и карточки с рисунками лежат в повозке, на которой я вернулся в столицу. Завершив дела, я всё разберу и велю раздать вам. На самом деле в лавке «Цзюаньчжай» нет никаких новинок — похоже, с тех пор как красавица Цуй уехала, они выпустили лишь «Собрание сочинений почтенного Ци Чжюаня», а прочие книги и художественные карточки — лишь переиздание старого.

На лицах присутствующих отразилось глубокое разочарование, и они стали наперебой сокрушаться:

— Мы-то даже новое издание «Шесть гениев комментируют Троецарствие» купили, а раз там всё то же самое, то и интереса никакого!

<http://bllate.org/book/18372/1761327>